

77.0403.

Маяковский В. В.

Россия, 2003. — 17 апр. — с. 24-25

Инна Коваленко

13 апреля 1930 года поэт Владимир Маяковский был в гостях у Катаева вместе Вероникой Полонской. Маяковский был мрачен, писал Норе записки, потом выбирался из-за стола и бродил по коридору. Катаев сказал тогда: «Не бойтесь, Вертеров больше нет, не повесится». На следующий день Маяковский застрелился.

Когда произносят имя Маяковского, почти сразу же думают о Лиле Брик, «пиковой даме советской поэзии», «убивице», «святой музе». Бесспорно, их роман вдохновил поэта на большую часть стихов. Если Лиля Брик была для Маяковского главной музой, то были и музы, выражаясь кинематографическим языком, второго плана.

Галина Катанян пишет в своих воспоминаниях: «Маяковский любил общество красивых женщин, любил ухаживать за ними — неотступно, настойчиво, нежно, пылко, своеобразно. В то же время он был деликатен, оберегал их репутацию и обнародовал свои отношения только в том случае, когда, что называется, имел серьезные намерения». (К слову, Галина и ее муж Василий Катанян дружили с Маяковским. А в 1939 году Василий оставил жену и сына ради Лили Брик, которая была старше его на 11 лет. Вместе они прожили почти 40 лет.)

Сонка — член горсовета

Так было с Софьей Шамардиной, с которой он познакомился в Петербурге в 1913 году. До знакомства с Маяковским Соня дружила с Игорем Северяниным. Он-то и познакомил их на вечере футуристов в медицинском институте. После выступления все поехали в кабаре «Бродячая собака», потом к Хлебникову, потом к Бурлюкам. Чуковский зывал: «Сонка, я вижу, что поэт оттеснил бедного критика!» Сонка молчала. Тогда Чуковский обратился к Маяковскому: «Помните, я знаю ее папу и маму!» — поцеловал в лоб Соню и ушел. Маяковский же с Шамардиной с этого вечера стали неразлучны.

О романе поэта с Соней постепенно все начали узнавать. Пересуды дошли и до ее родителей. Они отписали дочери и потребовали, чтобы она вернулась домой, в Минск. Провожать на вокзал ее пришли оба — Северянин с букетом голубых роз и Маяковский с букетом фиалок. Маяковский тогда сказал: «Тебя, Соня, провожают два величайших поэта современности».

Маяковский встретился с Шамардиной спустя четыре года и поинтересовался, что она думает о революции: «Муж — большевик. Мне кажется, это определяет и меня». Маяковский усмехнулся, покритиковал Соню за недостаток женственности, сказал ей, что она «одевается под Крупскую» и было забыл о ней. Но Шамардина вскоре стала партийным работником, заведующей отделом культуры ЦК, и Маяковский начал шутить о ней по-новому: «Сонка — член гор-

совета». Именно эта Сонка впоследствии подписывала некролог о смерти бывшего любовника.

Вошла ты, резкая, как «нате!»

Если с Шамардиной Маяковский познакомился в Петербурге, то другую свою возлюбленную, Марию Денисову, он встретил в Одессе. Позже он объединит Шамардину и Денисову в одной поэме «Облако в штанах», а пока его с друзьями пригласили 14 января 1914 года в гости к Марии Александровне, жившей вместе с сестрой и ее мужем. Маша специально приехала в Одессу из родной Смоленской губернии, чтобы брать уроки живописи и скульптуры.

Маяковский влюбился в Денисову внезапно, и сам, видимо, от напора собственных чувств обалдел. Ва-

силий Каменский вспоминал: «Маяковский был в смятении: что делать? Как быть? Написать письмо? Но это глупо? «Я вас люблю. Чего же боле...» Сказать все сразу? Она испугается... И всем будет страшно... Скажут: желтая кофта — и вдруг...»

Робость и логично вытекающая из нее порядочность Маяковского в отношениях с Денисовой сыграли свое дело. Оставленная в Одессе после недельного знакомства, Денисова превратилась для поэта в лирический миф. О любимой и недоступной Марии он успел рассказать всем: друзьям, матери, сестрам. Про нее же он написал: «Вошла ты, резкая, как «нате!», муча перчатки замш, сказала: «Знаете — я выхожу замуж!»

Правда, когда Маяковский расстался с Денисовой, замуж она не собиралась. Потом они вместе учились в мастерской скульптора Коненкова. А в 1919 году Денисова ушла на фронт как художник-оформитель и прошла войну в рядах Первой конной армии, была трижды ранена и трижды больна тифом.

На фронте она вышла замуж за простого человека по фамилии Щаденко, героя Гражданской, с которым никогда не была счастлива. Зато до последнего Мария переписывалась с Маяковским: «Благодарю, дорогой, за защиту женщин от «домашних» настроений мужей-партийцев. Здорово помогает и «Баня», и «Клоп». Доходит». Маяковский вплоть до гибели помогал Денисовой материально: «За вашу помощь я Вам бесконечно благодарна, и если бы я когда-нибудь могла бы быть Вам

полезной, то ясно сделала то же для Вас, что и Вы».

Значит, так и надо!

Почему Маяковский не женился на Денисовой, до того как она вышла замуж за Щаденко? Потому что в 1915 году для Маяковского грянул гром.

Из воспоминаний Эльзы Триоле, младшей сестры Лили Брик: «В июле умер отец. Лиля приехала на похороны. И, несмотря ни на что, мы говорили о Маяковском. После похорон я поехала в Петроград, и Маяковский пришел меня навестить (в это время поэт ухаживал за Эльзой. — И.К.) к Лиле, на улице Жуковского. В этот ли первый раз, в другую ли встречу, но я уговорила Володю прочесть стихи Брикам... Брики отнесли к стихам восторженно, безвозвратно полюбили их. Маяковский безвозвратно полюбил Лилю».

Образовался любовный треугольник: Осип Брик, Лиля Брик и Владимир Маяковский. На старости лет Лиля признавалась Андрею Вознесенскому: «Я любила заниматься любовью с Осей. Мы тогда запирали Володю на кухне. Он рвался, хотел к нам, царапался в дверь и плакал».

Из пятнадцати лет, прожитых вместе с Маяковским, пять последних лет они не были близки. Но власть Лили над Маяковским всегда поражала общих знакомых. Из переписки Лили Брик и Владимира Маяковского. Декабрь 1917-го: «Милый мой Володенька, я страшно бываю рада, когда ты пишешь. У меня совсем заболели нервы. Мы уезжаем в Японию. Привезу тебе оттуда халат». Октябрь 1921-го: «Любимый мой щеник! Не плачь из-за меня! Я тебя ужасно крепко и навсегда люблю! Приеду непременно! Приехала бы сейчас, если бы не было стыдно. Жди меня! Не изменяй!!! Я ужасно боюсь этого. Я верна тебе абсолютно». В бумагах поэта также была записка Лили, которая писала, что она больше не любит его. И добавляла, что едва ли это признание его заставит страдать, так как он и сам остыл к ней.

Галина Катанян пишет: «Вероятно, в какой-то степени это так и было, потому что на моих глазах он был дважды влюблен, и влюблен сильно. И в те же годы я сама слышала, как он говорил: «Если Лиличка скажет, что нужно ночью, на цыпочках, босиком по снегу идти через весь город в Большой театр, значит, так и надо!»

Татьяна Яковлева и Вероника Полонская так и не связали свою жизнь с Маяковским. Первой помешала Лиля Брик, второй — смерть поэта

8/17

без штанов

Заокеанская дочь

Ходили легенды, что женщины, которых любил Маяковский, не любили его. Это было не так. Взять хотя бы Элли Джонс. Ее переписка с Маяковским – пример того, как искренне любящая женщина ведет эпистолярный диалог с любимым мужчиной.

Элли Джонс – Елизавета Зибер была из немцев Поволжья, но жила в Америке замужем за врачом и всю жизнь преподавала языки. Маяковский познакомился с ней в 1925 году во время поездки в США. Завязался роман, в результате которого Элли родила дочку Элен Патрицию Томпсон.

Маяковский рассказал Лиле об увлечении и о его последствиях, на что Брик воскликнула: «Но ведь ты совершенно равнодушен к детям, Володечка!». Маяковский вскочил, взбешенный равнодушием, а Лилия продолжала: «Знаешь, Володя, пока тебя не было, я решила, что наши отношения пора прервать! По-моему, хватит!». Поэт молчал, соображая, что за маневр придумала Лилия, и только вымолвил: «А ты стала еще красивее, Лиличка!». И ночью написал Элли Джонс, что любит Лилию и никого больше полюбить не сможет. А что касается ребенка, то он, конечно, примет все расходы на себя.

Маяковский слухавил, сам того не зная: он сумел полюбить еще. Случилось это в 1928 году, когда он приезжал в Ниццу повидаться с отдыхающей там Джонс и своей дочерью. На обратном пути поэт заехал в Париж, где познакомился с Татьяной Яковлевой и «с первого взгляда жестоко в нее влюбился».

Ты одна мне ростом вровень

Сейчас бы Татьяну Яковлеву назвали моделью, а тогда в Париже она называлась манекенщицей. Яковлева была родом из Пензы, откуда в юном возрасте ее вывез отец, оставив, правда, на родине жену и еще одну дочь.

Позже Яковлева вспоминала: «Мы любили друг друга и собирались обвенчаться. Для этого он (Маяковский) должен был приехать за мной в Париж. Нам предстояло приехать в Москву, чтобы зарегистрировать брак. Но она (Брик) написала какую-то бумагу, что он неблагонадежен и его нельзя выпускать».

История запутанная, тем более что Яковлева не оставила письменных свидетельств, кроме писем, которые ей писал Маяковский. Свои же письма она просила

Лилию Брик сжечь, опасаясь за то, что «страшно вспомнить, какую ерунду я ему писала по молодости лет».

Маяковского в Париж так и не пустили. Примерно в это время, 11 октября 1929 года, Лилия Брик записала в дневнике: «Письмо про Татьяну. Яковлева, с которой Володя познакомился в Париже и в которую был по инерции влюблен, выходит замуж за какого-то, кажется, виконта, венчается с ним в церкви в белом платье, с флердоранжем. Представляю себе Володину ярость и как ему стыдно...». Володя успокоил Лилию: «Эта лошадь кончилась, пересаживаюсь на другую».

Яковлеву можно было понять. Молодая женщина, которая ждет человека, а он не едет и не объясняет, почему не едет, а тут же слухи о его новом романе... Яковлева выходит замуж за виконта дю Плесси, который погиб во время Второй мировой войны. Вторым ее мужем был Алекс Либерман, скульптор и художественный редактор журнала Vogue. Яковлева жила в Нью-Йорке в достатке и роскоши. В ее доме висели картины Дали и Пикассо с дарственными надписями. Она одевалась у Ива Сен-Лорана и часто цитировала стихи Маяковского, посвященные ей, – «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви» и многие другие, вроде «Вы и нам в Москве нужны, не хватает длинноногих».

Комсомольская Юнона

Решение Маяковского жениться на Яковлевой было не первой попыткой вступить в брак. Яковлева также не была первой высокой женщиной в его жизни. Незадолго до парижской истории, в 1927 году, он встречался с молоденькой библиотекаршей Наташей Брюханенко.

«Высокая, крупная, с гордо посаженной маленькой головкой. От нее исходит какое-то сияние, сияют ямочки на щеках, белозубая, румяная улыбка, серые глаза. На ней белая полотняная блуза с матросским воротником, русые волосы повязаны красной косынкой. Этакая Юнона в комсомольском облике» – такой видели ее друзья Маяковского.

Маяковский с Наташей отдыхал на даче в Пушкине, ездил с ней на море. Их любовная история развивалась по знакомому сюжету: все было прекрасно, они решили пожениться, но о романе узнала Лилия Брик...

Когда Наташа вышла из вагона поезда, первое, что

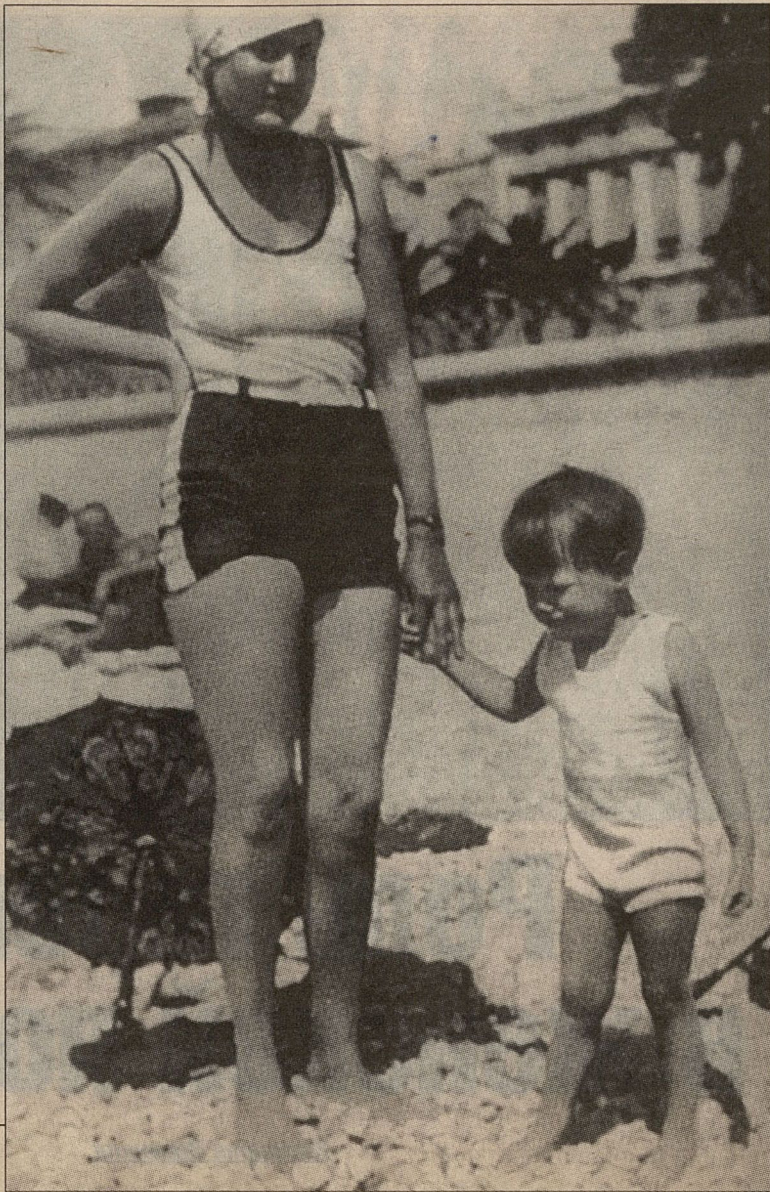
она увидела, была стоявшая на перроне веселая Лилия Брик. Успев перехватить жадный взгляд Маяковского, обращенный к Брик, Наташа тут же убежала. Маяковский даже не пытался ее догнать.

Свадьба не состоялась. Лирические отношения переросли в дружеские, а потом и в деловые, редакционно-издательские. Наташа Брюханенко превратилась с годами из библиотекаря в журналистку.

Немедленно или никогда

С Норой Полонской, последней своей любовью, Маяковский познакомился в мае 1929 года Осип Брик. Стратегически это был оправданный шаг во избавление от Яковлевой, с которой на тот момент проходил роман в письмах. Полонская должна была отвлечь поэта. Опасной соперницы в ней Лилия не видела – Полонская была замужем за актером Михаилом Яншиным. Но, влюбив в себя Маяковского, Нора сама привязалась к нему, а после свадьбы Яковлевой стала той самой «лошадью».

Одновременно с тем, что «ослепительно красивая» Полонская забеременела от Маяковского и сделала от него аборт, она очень хорошо относилась к своему мужу и не торопилась ему во всем признаться. А Маяковский требовал немедленного развода, ревновал. Причем объекты ревности были самыми разнообразными, часто просто стихийными. На праздновании 20-летия его работы: «Красивый рыжий парень пытается ухаживать за Норой Полонской (это Назым Хикмет, турок, студент Коммунистического университета трудящихся Востока). «Турок?» – «Да, турок...» Владимир Влади-

Дочь Элен Патрицию Маяковский видел нечасто. В 1928 г. она с мамой Элли Джонс ждала его в Ницце

мирович сердито заслоняет его от Норы...»

В это время у Маяковского началась депрессия. Одновременно сошло многое: Брики были за границей; лефовцы его бойкотировали; Полонская тянула с разводом, спрашивая: что будет, когда Лилия Юрьевна вернется из-за границы?

Утром 14 апреля Нора рано утром зашла к Маяковскому в Лубянский проезд. Он был в тяжелом эмоциональном состоянии. «Я говорила, что люблю его и буду с ним, но не могу остаться здесь сейчас. Я по-человечески люблю и уважаю мужа и не могу поступить с ним так... И театра не брошу... Владимир Владимирович был не согласен с этим... Говорил, чтобы все было не-

медленно или совсем ничего не нужно». После репетиции Полонская пообещала объясниться с мужем и переселиться к поэту. Когда она закрыла за собой дверь квартиры Маяковского, раздался выстрел. Все кончилось: и любовь, и стихи.

Кроме Марии Денисовой, умершей в 1944 году, все женщины Маяковского много пережили его самого и его «тень», Лилию Брик, покончившую с собой из-за физической беспомощности в 1978 году. Софья Шамардина умерла в 1980 г., Наталья Брюханенко – в 1982-м, Элли Джонс – в 1985-м, Татьяна Яковлева – в 1991-м, Вероника Полонская прожила дольше всех – до 1994 года.

Осип и Лилия Брик безвозвратно полюбили стихи поэта, а он безвозвратно полюбил Лилию